

ЯРЦЕВА В. Н.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ
ЯЗЫКА

Исторические грамматики отдельных языков как определенный вид научной лингвистической литературы появились во второй половине XIX в. и основными своими положениями восходят к школе младограмматизма. Отдельные элементы исторических сведений о развитии структуры языков появлялись, разумеется, и раньше, но даже «Немецкую грамматику» Я. Гримма, ставшую образцом изучения не только германских, но и других европейских языков, приходится считать скорее историко-сопоставительной, чем исторической. Наблюдения над языковыми изменениями, прежде всего в области фонетики и морфологии, в меньшей мере в области синтаксиса, проходили по определенной схеме описания с равным вниманием не только к развитию реально представленных элементов языка, но и к фактам его доистории, т. е. к тому периоду, который не был зафиксирован сохранившимися письменными памятниками данного языка. Последнее, несомненно, объяснялось успехами сравнительно-исторического языкознания, существенно продвинутого младограмматиками. В области фонетики речь идет о звуковых корреспонденциях, а в области морфологии — о таких процессах, как изменения одних форм по аналогии с другими, переразложение морфемного состава слова, явление опрощения сложного морфологического целого и тому подобных процессах.

Трафаретное построение исторических грамматик, хотя и способствовало накоплению фактического материала (и в этом отношении было положительным явлением в истории лингвистической литературы), имело вместе с тем тот огромный недостаток, что оперировало по существу материалом литературно-письменного языка, т. е. описывало по преимуществу историю одного, или очень ограниченного круга диалектов. Новые идеи языкознания XX в. — понятие системности языковых фактов, представление об этой системе как совокупности вариантов, соотносимых с инвариантом, неравномерность в историческом развитии отдельных уровней языковой системы — поставили на повестку дня необходимость пересмотра основ исторической грамматики языка. Одна из первых задач — проблема связи исторической грамматики и методов, в ней применяемых, с методами сравнительно-исторического языкознания, в частности с методом внутренней реконструкции.

1. Историческая грамматика и сравнительно-историческое языкознание. Начиная историческое описание языка, лингвист неизбежно берет в качестве исходного пункта синхронный срез, представленный наиболее древними памятниками письменности (если таковые сохранились), или наиболее старые свидетельства о данном языке. Последние могут выступать в виде записей путешественников, торговцев, миссионеров и т. п. При исследовании подобного синхронного среза выявляются противоречивые или вообще неясные факты, не находящие удовлетворительного объяснения в пределах наблюдаемой системы. Если известны генетические связи данного языка с родственными языками и есть возможность использовать реконструируемые модели, то не возникает ли опасность превращения исторической работы в сравнительно-историческую? С нашей точки зрения, исследование не следует начинать с реконструкции, т. е. давать гипотетически восстанавливаемые архетипы («под звездочкой») и затем выводить из них формы, засвидетельствованные в тексте. Однако после анализа фактов какой-либо «малой» системы в описываемом языке для

простоты ее объяснения можно прибегнуть к реконструкции. Например, в истории и.-е. языков, в том числе германских, парадигматическая система имени существительного строилась по распределению разных типов склонения, исходя из строения основ. Однако фонетические и морфологические преобразования, и прежде всего редукция безударных гласных, настолько затемнили строение основ, что на синхронном срезе древнеанглийского языка распределение парадигм имени существительного совершенно непонятно. В этом случае целесообразно учесть реконструированную прагерманскую систему, выводимую не только из сравнения древнегерманских языков, но и опирающуюся на другие древние и.-е. языки. Большинство авторов грамматик древнеанглийского языка так и поступает.

А. Кэмпбелл писал: «В индоевропейском существительные делились на (а) вокалические основы, где падежные окончания присоединились к основе, оканчивавшейся на характерный гласный или дифтонг, который мог подвергаться варьированию сообразно аблауту, и (б) консонантные основы, при которых падежные окончания присоединялись к основе, оканчивавшейся на согласный. Подкласс группы (б) представляли *n*-основы, при которых окончание прибавлялось к основе, оформленной на *-ĕn-*, *-ōn-* или *-n-* (варианты в этом случае также объяснялись аблаутом)» [1, с. 222]. Далее автор указывает, что именно этот последний тип основ (основы на *-n-*) играл важную роль в истории германских языков, а другие типы консонантных основ имели ограниченное использование. Реконструкции, приводимые для пояснения отдельных падежных форм древнеанглийских существительных, помогают понять внутрипарадигматические связи, с одной стороны, и общее построение всей парадигмы существительного, с другой. Иначе строится изложение системы древнеанглийского существительного в грамматике Р. Квёрка и С. Ренна [2, с. 20—30], задуманной прежде всего в учебных целях. В этой грамматике приводятся основные типы склонения по трем родам (мужскому, женскому и среднему), склонение на *-an* и нерегулярные («неправильные») склонения. Хотя термин «основа» фигурирует, но его праязыкового объяснения не дано. Какой из двух путей описания древнейшего состояния языка лучше и полнее может дать объяснение системы языка и совершающихся в ней процессов? Мы полагаем, что во многих случаях реконструкция необходима, т. к. на синхронном срезе даже древнейшего засвидетельствованного периода данного языка многие грамматические (чаще всего парадигматические) явления и соотношения отдельных грамматических форм непонятны.

Каково должно быть соотношение приемом собственно сравнительно-исторической реконструкции и внутренней реконструкции? Думается, что если существуют надежные сравнительно-исторические параллели, то нет необходимости искусственно прибегать к внутренней реконструкции. Однако для наглядности фиксации происходивших исторических изменений языка очень полезно сочетание этих двух видов объяснений. Например, для раскрытия механизма распределения существительных по типам склонения в древнеанглийском необходимо реконструировать общегерманские типы основ. Однако кроме реконструкции доумlautной формы глаголов 1-го класса слабого спряжения (др.-англ. *dētan* «судить» < < **dōm-ian*) можно еще использовать соотношение этих глаголов с однокорневыми существительными (др.-англ. *dōm* «суд, суждение»), не имевшими перегласовки¹.

Разумеется, объяснения, опирающиеся на синхронные связи в системе языка в целях исторического обоснования его особенностей, могут с полным правом считаться «внутренней реконструкцией». К последней чаще всего прибегают при отсутствии или недостаточном количестве надежных

¹ Здесь и ниже иллюстрации высказанных в статье положений даются из истории английского языка не потому, что этот язык представляет собой нечто особенное, а именно потому, что приводимые примеры могут быть с успехом заменены примерами из истории любого другого европейского языка.

исторических источников и неясности генетических связей исследуемого языка с другими языками. Для исторической грамматики языков, располагающих достаточным объемом материала (сохранившихся памятников с известной хронологической последовательностью их создания), методы «внутренней реконструкции» используются для объяснения «выпадений» из системы языка на ее синхронном срезе. Такие методы дают возможность объяснить «правила и исключения» как отражения неравномерности исторического развития уровней языковой структуры и вместе с тем их постоянную взаимозависимость.

Иллюстрации могут быть взяты из области словообразования, отражающего исторические связи объединения слов на основе общности их корневых морфем. В древнеанглийском связь глагола *lēosan* «терять», прилагательного *lēas* «свободный» и существительного *lyre* «утрата» не самоочевидна. Но если, с одной стороны, учесть чередование корневого гласного в формах глагола *lēosan* — *lēas* — *luron* — *loren* и, с другой стороны, аналогичный первому ряд таких однокорневых образований, как глагол *sēosan* «выбирать», прилагательное *orcēas* «неуязвимый», существительное *cyre* «выбор», то обнаруживается наличие системных связей, объединяющих члены разных лексико-грамматических разрядов в словообразовательные ряды с исторически обусловленными изменениями их фонемного состава. Привлечение дополнительного материала по каждому из приведенных рядов *lor* «потеря», *forlorian* «терять», *cyst* «выбор», *cost* «вкус» *costian* «пробовать») помогает понять условия, вызвавшие варьирование фонемного состава членов ряда [3, с. 14—19].

2. Историческая грамматика и историческая диалектология. Следующий важный вопрос, который необходимо решать каждому автору исторической грамматики языка, — в какой мере историческая грамматика языка должна содержать сведения по исторической диалектологии. Лингвист, занимающийся построением исторической грамматики отдельного языка, обязан учитывать вариативность языковых единиц, возникающую в результате территориального распределения диалектов, меняющегося в течение истории этого языка.

Как известно, исторические грамматики конца XIX — начала XX вв. ориентировались главным образом на памятники письменности, особенно если это касалось более ранних периодов истории данного языка. В результате появились не столько исторические грамматики языка, сколько изложения сведений по историческому развитию того диалектного варианта языка, который признан как современная литературная норма. Можно, конечно, задаться целью дать ретроспективную историю языка, т. е. провести исторический анализ тех «выпаждений» из системы языка, которые обнаруживаются на его синхронном срезе. Однако при подобном изложении неизбежна фрагментарность и останутся невыясненными те исторические закономерности и те факторы, которые являются движущей силой языкового развития. Безусловно, нельзя превращать историческую грамматику в историческую диалектологию — это разные виды лингвистических исследований. Однако учет диалектной вариативности прошлого языка неизбежно приходится иметь в виду при создании исторической грамматики, и весь вопрос только в степени привлечения этих диалектных данных.

Различия диалектов языка неодинаковы в количественном отношении по отдельным уровням структуры языка. Ярче всего они проявляются в области лексики и фонетики. Естественно, что вопросы лексического состава языка имеют лишь периферийное отношение к исторической грамматике. Иное дело фонетические расхождения, которые часто бывают связаны с морфологическим строением слова. Сами же по себе тенденции преобразования фонетических моделей могут служить источником морфологических инноваций. В качестве примера можно указать на редукцию неударных гласных в германских языках (немецком, в большей мере в английском), что привело к падению конечных морфем (падежных флексий), усилению явлений внутрипарадигматической омонимии, изменениям в строении парадигм флективного типа и тому подобным явлениям.

Диалектные расхождения в области фонологии приходится учитывать потому, что при смешении диалектов (даже в том случае, если формирование единых норм национального литературного языка связано с преобладанием какого-то одного диалекта) отдельные формы, бытующие в современном языке, могут объясняться только как наследие разных диалектов, и, следовательно, даже на синхронном срезе современного нормативного литературного языка проступают различные диалектные элементы исторического прошлого этого языка. Иллюстрацией могут служить известные противоречия в написании и произношении таких современных английских слов, как глагол *to bury* «хоронить» с произношением [berɪ] и прилагательного *busy* «занятой» с произношением [bɪzɪ]. Написание и отражает сложившуюся под влиянием французского языка в среднеанглийский период манеру передавать др.-англ. *y* [y], сохранившее в южном диалекте то же произношение [y] (совр. англ. *busy*, др.-англ. *bysiz*; совр. англ. *to bury*, др.-англ. *byrgean*). В то же время современное произношение глагола *to bury* как [berɪ] объясняется сохранением для др.-англ. *y* произносительного рефлекс кентского диалекта, а произношение современного английского прилагательного *busy* [bɪzɪ] представляет собой отражение типичного для северных и западноцентральных диалектов явления делабиализации [y] > [i].

Этот же пример показывает необходимость использования диалектов при определении направления и темпов осуществления фонетических изменений. Делабиализация древнеанглийских гласных \ddot{y} и æ распространялась от северных диалектов к южным, что нашло отражение в колебаниях написания этих гласных в памятниках письменности, отличающихся временем создания и диалектно-географической локацией. Г. С. Уайльд писал, что «на севере, включая Йорк, и на востоке центральной области, включая Линкольн, Хантс, Норфолк и частично Суффолк, др.-англ. \ddot{y} , вероятно, делабиализовалось в позднедревнеанглийский период. Среднеанглийские тексты из этих районов имеют написание *i* или *y*² вместо исконного *y*, как это наблюдается, например, в «Орме» и «Книге Бытия» [4, с. 107]. Далее Уайльд указывает, что в Кенте и Суффолке др.-англ. \ddot{y} еще в древнеанглийский период превратилось в \ddot{e} . Следует заметить, что в кентском диалекте имела тенденция нивелировать ряд древнеанглийских гласных, сводя их к *e*, что выделяло его среди других английских диалектов.

В «Кентских глоссах» (X в.) мы находим *e* для гласного, передаваемого в кентских документах IX в. через æ ; Кэмпбелл приводит следующие написания из «Кентских глосс»: $\ddot{æ}$ > \ddot{e} : *fet* «сосуд», *glednes* «радость», $\ddot{æ}$ > \ddot{e} : *efst* «торопит», *bēnum* «молитвам» (дат. мн.), \ddot{y} > \ddot{e} : *ferht* «страх» *ontend* «открывает» [1, с. 122]. Как известно, в древнеанглийском [ö] (написание æ) возникло в результате палатальной регласовки $\ddot{ö}$. Встречаются случаи «обратного» написания, т. е. когда вместо исконного *e* стоит *y*. Однако на большей части Англии (в западном и центральном Мидленде, на юге Йоркшира и в южных районах за исключением Кента) древнеанглийское *y* удержалось с тем же звучанием вплоть до XV в. Для его графической передачи использовали заимствованное уже около 1170 г. французское написание *u*, а для долгого гласного части написания *ui* или *iu*. Примером может служить оставшееся в современном английском написание глагола *to build* «строить» < др.-англ. *byldan* (удлинение перед группой согласных — *ld*). Сохранив, условно говоря, «южнодиалектное» написание, глагол *to build* [bɪld] в современном английском произношении подчиняется преобладающему в нормативном литературном языке произношению восточноцентрального типа. Следовательно, для полного понимания исторических процессов, приведших к состоянию, наблюдаемому в современном языке, а также для уяснения «противоречий» в структурных характеристиках синхронного типа приходится в известной мере учитывать материалы территориальных диалектов.

² Написание *y* для *i* было заимствовано из французского языка после 1066 г.

Мимо диалектов в истории языка лингвист не может пройти еще по одной причине. Хотя не без основания местные диалекты считаются «складом» архаизмов, одновременно это показательный источник инноваций. Бытуя чаще всего в бесписьменной форме и не будучи скованы письменной традицией литературного языка, диалекты, как и многие другие формы разговорной речи, быстрее, чем литературный язык, реагируют на внутриадигматические изменения на основе закона аналогии, закрепляют формы с синкопированным вспомогательным глаголом для аналитического типа глагольных парадигм и т. д. В древнеанглийском так называемые сильные глаголы 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го классов имели различную огласовку для единственного (1-е и 3-е лицо) и множественного числа прошедшего времени. В среднеанглийском это различие в огласовке постепенно стирается, в результате чего в современном английском языке для ряда неправильных (нестандартных) глаголов, исторически восходящих к сильным глаголам, остаются только три основных формы, от которых образуется вся парадигма глагольного спряжения [ср. др.-англ. *drīfan* — *drāf* — *drifen* — *drifen* и совр. англ. (*to drive* — *drove* — *driven*)]. Указанное выравнивание в различных диалектах шло разными путями.

Как яркую черту северных диалектов историки языка отмечают выравнивание огласовки множественного по образцу форм единственного числа (так называемые «северные претериты»), в результате чего в «Northern Homilies» (1330 г.) и в памятнике «Cursus Mundi», (1300 г.) встречаются такие формы прошедшего множественного, как *faand* «нашли», *dranc* «пили», *bigan* «начали», *sagh* «видели» и т. п. Этот тип претерита распространился впоследствии в лондонском литературном языке (ср. совр. англ. *drank* и т. д.). Однако хотя в целом диалекты юга и Мидленда сохраняют в среднеанглийском различие в огласовке (там, где оно существовало в древнеанглийском) для единственного и множественного числа претерита, наблюдается тенденция (особенно у писателей юго-запада и юго-западной части Мидленда) распространять на формы претерита огласовку причастия II (так называемые «западные претериты»). Примерами могут служить формы *bygun*, *flow*, *fought*, *bounde*, которые встречаются в таких памятниках, как «Лайамон» (Текст Б., ок. 1250 г.), у Роберта Глостерского («Хроника», ок. 1320—1330 гг.), У. Тревизы (ок. 1387 г.) и Виклифа (ок. 1320—1384 гг.), и которые не могут быть выведены как формы претерита единственного из др.-англ. *gan*, *flēow*, *feahht*, *bānd*. Нельзя также предположить, что они продолжают формы множественного числа, т. к. было доказано, что тип множественного в претерите сильных глаголов наименее устойчив и не сохраняется в современном английском, если только его огласовка не совпадает с огласовкой причастия II [5]. В современных английских диалектах также можно наблюдать новообразования по аналогии. Например, в противоположность литературной норме в диалектах для неправильных (нестандартных) глаголов встречаются формы, образованные по инфинитивов по аналогии с формами глаголов правильных (стандартных): *catched* от *to catch* «поймать» (литер. *caught*), *seeked* от *to seek* «искать» (литер. *sought*), *telled* от *to tell* «сказать» (литер. *told*). Не следует, конечно, думать, что всегда в диалекте присутствуют глагольные формы аналогические, а в литературном языке формы исторические. Во многих случаях именно благодаря «консервирующим» свойствам местных диалектов в них сохраняются формы архаические, в то время как в нормативном употреблении закрепились формы, образованные по закону аналогии. Например, «диалекты сохранили *wrought* как претерит от *work* (др.-англ. *wyrcan*, прет. *worhte* и *raught* как претерит от *reach* (др.-англ. *rācan*, прет. *ræhte*); нормативные же литературные английские формы *worked* и *reached* являются новообразованиями по аналогии с инфинитивом» [6, с. 106].

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного по поводу взаимоотношений исторической грамматики и диалектологии? Очевидно, что, никоим образом не подменяя историческую грамматику исторической диалектологией, все же необходимо учитывать данные этой последней. Дело лишь в правильной «дозировке» диалектных материалов. Хотя их привле-

чение не должно носить характера случайных и отрывочных исторических комментариев, анализ диалектных материалов не может быть систематическим. Прежде всего он должен иметь целью: 1) показать неравномерность развития отдельных сторон системы языка и различные темпы осуществления исторических процессов при в целом единой линии языковой эволюции, 2) объяснить исключения (т. е. выпадения) из норм литературного языка в области фонетики, вызываемые: а) неравномерным распределением форм исторических и форм аналогических, б) сохранением в современном литературном языке изолированных форм, принадлежавших раньше «малым», но законченным парадигмам [случай, подобные совр. англ. *child* «ребенок» — мн. ч. *children* (др.-англ. *cild* — *cild*/*cildru*, ср.-англ. мн. ч. *childre* — в восточно-центральной диалекте и *children* — в южном и кентском диалектах)]; 3) показать важность для истории языков не только письменных, но бесписьменных (на современном этапе) источников информации.

3. Развитие различных уровней структуры языка. Системность (или, точнее, сбалансированность) в строении языка проявляется 1) во взаимозависимости различных сторон структуры языка — фонетика связана с морфологией, морфология с синтаксисом, лексика связана с морфологией в двух планах: а) подчинение определенным лексико-грамматическим разрядам (частям речи); б) неравный охват лексических единиц отдельными грамматическими категориями («сопротивление лексического материала»); наконец, лексика связана с синтаксисом по линии валентности в сочетаемости лексических единиц в пределах синтаксической модели; 2) в диалектике исторического развития различных уровней языка, при которой изменение одной стороны языковой структуры сказывается на других уровнях языка и через их изменение может привести к общей перестройке структуры языка вплоть до изменения его типологии (т. е. возникновения нового языкового типа).

Качественные сдвиги в историческом развитии языка осуществляются сообразно противоречиям, существующим в специфическом строении уровней. Реализация этих противоречий обуславливается: 1) различием в качестве самих уровней языка (большая подвижность лексического уровня, лексическое наполнение морфологических моделей и границы словообразования, формообразования и словоизменения, большая абстрактность универсальных синтаксических отношений и в связи с этим относительная немногочисленность базовых синтаксических моделей с дополняющей их вариативностью); 2) разницей в воздействии исторических условий существования и функционирования языка на различные уровни его строения. Иллюстрацией может служить воздействие субстрата и адстрата на те или иные уровни языка, различия в сохранении старых генетических связей либо по линии основного лексического корнеслова, либо в общности материального оформления морфологических рядов и др.

Диалектика языкового развития по закону перехода количества в качество проявляется: а) в зависимости «употребления» от значения используемых элементов языка, б) в связи частотности употребляемых элементов с их коммуникативной ценностью; в) в изменении качества как проявления внутренних стимулов саморазвития языка на основе преобразующих внутренних законов.

По отношению к частотности тех или иных единиц языковой структуры нам представляется, что необходимо различать: 1) высокую частотность как результат единообразия самой модели и отсутствия параллельных синонимов (или малое их число) и 2) высокую частотность, объясняемую условиями коммуникации, т. е. тем, что можно было бы назвать коммуникативной ценностью данной единицы. Примером первого типа может служить приглагольное отрицание в русском языке. Модель «*не* + форма глагола» имеет стопроцентный охват лексического глагольного материала, и, на наш взгляд, именно это единообразие (при максимальной частотности) предохраняет ее от изменений. Кумулятивный характер отрицания в русском языке (Он никогда не терпел никаких возражений) по сравнению с единичным отрицанием в английском также не создает препятствий для

частотности *ne*. Примером второго типа могут служить устойчивые лексико-синтаксические комплексы, постоянно употребляемые в определенной коммуникативной ситуации (*Доброе утро*) и под.

Для исторической грамматики приходится в первую очередь учитывать частотность первого типа, но еще важнее сочетание «нового» и «старого» как сосуществующих в системе языка и функционирующих с теми или иными индексами частотности. В одной из глав своей работы по истории английского языка, посвящей характерное название «Английский и его история — эволюция языка», Р. Стивик пишет об «одинаковом и отличном в истории языка» [7, с. 41]. Дело в том, что при историческом анализе языка возникает проблема сочетаемости систем (т. е. их синхронных срезов, в которых модели «одинакового» и «различного» не вполне совпадают. В качестве примера автор приводит звуки [i] и [v] в древнеанглийском, которые он считает «одинаковыми» (с точки зрения различия одного слова от другого). Позднее (в среднеанглийском) эти звуки дифференцировались. То же явление «одинаковости» автор видит в супплетивности др.-англ. глагола *gān/leode*, замененной супплетивностью в современном английском *go/went*; в замене др.-англ. глагольного отрицания *ne*, ставившегося перед глаголом, современным отрицанием *not*, стоящим после глагола. Различие синхронного и исторического анализа Стивик видит в том, что первый дает «срезы» (*cuts*), а второй намечает сдвиги (*drifts*).

По поводу «срезов» и «сдвигов» автор прав, но его примеры «одинаковости» спорны, тем более что они не равноценны между собой. Действительно, [i] и [v] в древнеанглийском были позиционными вариантами фонемы, и превращение их в самостоятельные фонемы (под влиянием французских заимствованных слов с начальной позицией *v*, как считают историки) относится уже к среднеанглийскому. Однако следует ли считать эти звуки «тем же самым»? Ведь место их в консонантной системе английского языка изменилось — обе фонемы включились в тот ряд противопоставлений глухих и звонких щелевых и смычных, который существовал в среднеанглийском. То же можно сказать и в отношении категории отрицания. Во-первых, не сама по себе частица *not* передает отрицание в современном английском, а в сочетании с особой конструкцией, включающей вспомогательный глагол *do*, во-вторых, кумулятивная система отрицания предыдущих этапов развития английского языка полностью перестроилась по линии единичного отрицательного элемента в предложении (или в словосочетании), а, следовательно, хотя бы по форме это не «то же самое». Значит, даже по содержанию близкие конструкции не являются вполне тождественными из-за того, что связи между ними и соседствующими в системе данного языка формами имеют иную конфигурацию. Вместе с тем качественно новый шаг в историческом развитии системы языка должен сочетать единство формы и содержания. Следующий пример позволит понять смысл этого положения.

В истории английского языка лексические утраты (как и во всяком другом языке) не всегда были связаны с исчезновением самих понятий, передававшихся теми или иными лексемами. Чаще всего наблюдалась утрата старых лексем при их замене другими словами или при отнесении их из определенных сфер коммуникации. Из-за распространения в XI — XIII в. англо-французского двуязычия (результата завоевания Англии норманнами в 1066 г.) многие исконно английские слова были заменены французскими без существенного изменения их семантического объема. Так, в современном английском языке употребляются французские по происхождению глаголы вместо исчезнувших древнеанглийских того же значения; ср.: совр. англ. *to terrify* «устрашать», *to honour* «чтить», *to poison* «отравить», *to serve* «служить», *to celebrate* «прославлять» при древнеанглийских эквивалентах *āclian*, *ārian*, *ættrian*, *ambihhtian*, *brēman*.

Следует заметить, что в этих и в ряде других случаев исчезло и существительное (или прилагательное), от которого был образован глагол, иными словами, была утрачена вся этимологическая группа (в современном английском не сохранились др.-англ. *ācol* «устрашенный», *ār* «слава, честь», *attor* «яд», *ambihht* «слуга», *brēme* «знаменитый»). Иногда несмотря на

исчезновение глагола связанные с ним имена (служившие производящей основой) могут остаться в языке, в отдельных случаях претерпев сдвиг в своем значении. В ряде случаев глаголы, утраченные литературным английским языком, продолжают употребляться в современных территориальных диалектах.

Следует особо отметить один тип структурных замен. Речь идет о случаях, когда при исчезновении глагола сохранялось прилагательное, от которого данный глагол был когда-то производным. В таких случаях очень часто в современном английском языке вместо утраченного глагола употребляется сочетание служебного глагола (*to be*, *to become*, *to make* и им подобных) и прилагательного. Например, *to be bright* «блестеть, сиять», *to be glad* «радоваться», *to become deaf* «оглохнуть», *to become little* «уменьшиться», *to make bare* «обнажать» (ср. соответствующие древнеанглийские глаголы *fearhtian*, *gladian*, *uððeafian*, *lyttlian*, *berian*). Разумеется, во многих случаях возможно употребление наряду с глагольной группой однословных синонимов: *to become little* и *to diminish*.

Приведенные типы глагольных образований, которые одни англичане называют фраземами, а другие — составными глаголами, появились только в современном английском языке, хотя их развитие подготовилось всем ходом преобразования структуры английского языка. Данная модель обладает неограниченной продуктивностью в английском языке не только для передачи глагольного понятия, не имеющего однословного лексического выражения, но и как синоним к существующим глаголам. Это находит объяснение в тех процессах номинализации английского языка, о которых писали многие лингвисты и которые сводятся к «расщеплению» глагольного понятия на выражение характера действия («пребывать в том или ином состоянии», «переходить в данное состояние», «заставлять переходить в данное состояние») и на выражение самого содержания действия. Именно этот тип замен утраченных глагольных лексем или создание новообразований по данной модели для передачи новых глагольных понятий привели к появлению качественно отличного участка лексико-фразеологической системы английского языка. Количественный рост конкретных глагольных фразем указанного типа укрепил использование данного образца: в борьбе двух синонимов — простого глагола и составного глагола — победа часто остается за последним. Таким образом, важным оказывается не абсолютное количественное разрастание лексики языка, а то, по каким типам структур идут новообразования лексико-фразеологических единиц и какие качественные изменения данного участка строя языка могут обнаружиться в результате исторического процесса развития языка.

4. Анализ архаизмов и инноваций в исторической грамматике. По ходу исторических преобразований строя языка часто происходит распад некогда единых рядов того, что я называю «малыми» системами. Остатки отдельных элементов таких рядов могут закрепляться за особыми функционально-стилистическими сферами (т. е. приобретает стилевую маркированность), оставаться в территориальных диалектах, а если дело касается распада грамматических рядов, переходить в ряд лексических архаизмов, никак не ассоциируясь с вымершими, а раньше им подобными грамматическими эквивалентными формами. «Частые в сфере морфологии глагола архаические формы не составляют вместе с тем какого-то цельного ряда, соотносительного с рядом нормативных форм. Они, если можно так сказать, индивидуальны для каждого глагола и могут быть в разной степени связаны с нормативными рядами. Далеко не все толковые словари английского языка помечают форму прошедшего времени *crew* от глагола *to crow* «кричать» (о петухе) как архаическую (при нормативной *crowed*). Это объясняется тем, что в данном случае различные формы глагола мало отличны по сферам употребления. Из двух архаичных форм к глаголу *to work* «работать» — прошедшего времени *wrought* и причастия II *wrought* (при нормативном *worked*) чаще употребляется причастие II. То же самое можно сказать относительно двух архаичных форм к глаголу *to clothe* «одевать» (нормативные формы *clothed* — *clothed*), где причастие II *clad*

употребляется чаще, чем форма прошедшего времени *clad*. Вследствие адъективного характера причастия эти формы употребляются чаще всего в атрибутивных конструкциях, и это способствует изоляции формы *clad* и *wrought* от основного глагола» [8, с. 295].

Судьба языковых элементов, некогда входивших по тому или иному общему для них всех признаку в один ряд, может сложиться по-разному в дальнейшей истории развития языка. Среди сильных глаголов 7-го класса в древнеанглийском языке имела группа, объединяемая сходной огласовой формой прошедшего времени. Это, например, такие, как др.-англ. *blāwan* «дуть» — прошедшее *blēow*, *flōwan* «течь» — прошедшее *flēow* и им подобные. Составляя не очень обширный, но морфологически вполне отчетливо выделяемый ряд в древнеанглийском, эти глаголы впоследствии разошлись в своем оформлении. Не считая того, что многие из них исчезли как лексические единицы, часть оставшихся приобрели по аналогии формы правильного (т. е. нормативно-стандартного, продуктивного) глагольного спряжения: др.-англ. *flōwan* «течь» — совр. *to flow*, др.-англ. *rōwan* «грести» — совр. *to row*, др.-англ. *hlōwan* «мыть» — совр. *to low*. Удержали старые исторические формы прошедшего и причастия II такие глаголы, как др.-англ. *cnāwan* «знать», совр. *to know* — *knew* — *known*, др.-англ. *blāwan* «дуть», совр. *to blow* — *blew* — *blown*, др.-англ. *grōwan* «расти», совр. *to grow* — *grew* — *grown*. Др.-англ. глагол *māwan* «косить», имея в современном английском стандартную форму прошедшего (*to mow* — *mowed*), сохранил историческую форму причастия II *town*. Вместе с тем др.-англ. *sāwan* «сеять», наряду со стандартной формой прошедшего (*to sow* — *sowed*) хотя и сохранил историческую форму для причастия II *sown*, но как параллельную имеет для причастия II и форму *sowed*. Наоборот, для современного английского *to crow* «кричать» (о петухе) (др.-англ. *crāwan* — *creow*), хотя формы прошедшего времени и причастия II имеют стандартные формы *crowed* — *crowed*, словари помечают не только для диалекта, но и для литературного языка историческую форму прошедшего *crew*.

Возникает вопрос, должен ли автор исторической грамматики языка учитывать явления, подобные изложенным, и регистрировать «осколки», оставшиеся от распавшихся рядов? Размышления по этому поводу имеют и обратную сторону — проблему расширения по тем или иным причинам функционирования моделей, имевших на ранних этапах развития данного языка ограниченное применение. Известно, что в древнеанглийском, так же как и в других древних германских языках, использовалась конструкция *Accusativus cum Infinitivo*. В древнеанглийском этот оборот выступает почти исключительно с глаголами приказания и допущения, отчасти с глаголами чувственного восприятия. При глаголах умственного восприятия этот оборот встречается крайне редко. При этом не только круг употребляемых глаголов ограничен, но и сам оборот мало распространен. Например, в древнеанглийской поэме «Елена» (IX в.) объемом свыше 1300 строк насчитывается всего 15 случаев употребления оборота «винительный с инфинитивом» с глаголами *lātan* «позволять» (5 примеров), *hātan* «приказывать» (3 примера), *bēodan* «спросить» (2 примера), *hēran* «слышать» (5 примеров). В среднеанглийском группы глаголов, с которыми встречается этот оборот, значительно расширяются. Это расширение идет вначале за счет глаголов, семантически близких к вышеуказанным трем группам, но постепенно все новые и новые глаголы втягиваются в орбиту этой грамматической конструкции. В XV в. начинают употребляться достаточно часто и глаголы, выражающие умственную деятельность, волю, желание, т. е. как раз те, которые почти не встречались в этой конструкции в древнеанглийском. Не составляют исключения глаголы, заимствованные в среднеанглийский период из других языков. В современном английском оборот «винительный с инфинитивом» может употребляться при самых разнообразных глаголах, в том числе и при таких глаголах умственного восприятия, как *to think*, *to hold*, *to consider*, *to suspect*, *to assume*, *to imagine* и т. д.

Следовательно, конструкция, действовавшая вначале по отношению к лексическому материалу очень избирательно, начинает постепенно подчинять себе все более разнообразный лексический состав глаголов, и как синтаксическая модель становится весьма частотной, особенно в некоторых стилях письменной речи. С нашей точки зрения, историческая грамматика не должна ограничивать себя только перечислением грамматических форм, а давать также их значение. Значения же грамматических форм может быть раскрыто только при анализе их функционирования, в связи с чем историческая грамматика вынуждена считаться с обоими рядами вышеописанных явлений.

Понимание языка как системы, утвердившееся в языкознании XX в. прежде всего в применении к синхронии, необходимо использовать и при исследовании законов исторического развития языка. Систему языка следует понимать как диалектическое единство набора «малых» систем. Из этого следует, что важно различать (1) закономерности, действенные для всей системы языка в целом, и 2) явления, свойственные «малым» системам. В историческом плане соотношение между (1) и (2) меняется, что определяется, главным образом, теми качественными изменениями, которые характеризуют отдельные исторические этапы развития данного языка. Разделение «малых» систем и «большой» системы как их совокупности важно потому, что семантико-грамматические связи проявляются прежде всего в «малых» системах и понятие «семантико-грамматического поля» приложимо именно к «малым» системам. Поскольку коммуникативное назначение языка требует непрерывности существования отдельных его элементов и «разрыв» их последовательности невозможен, то именно гибкость системы языка в целом и взаимозависимость отдельных его уровней обеспечивают их временную преемственность.

(Продолжение следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Campbell A.* Old English grammar. Oxford, 1959.
2. *Quirk R., Wrenn C. L.* An Old English grammar. London, 1955.
3. *Ярцева В. Н.* Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960.
4. *Wald H. C.* A short history of English. London, 3-rd ed. London, 1963.
5. *Bälbring K. D.* Geschichte des Ablauts der starken Zeitwörter innerhalb den Südeinglischen. Strassburg, 1889.
6. *Brook G. L.* English dialects. 2-nd ed. London, 1965.
7. *Stevick R. D.* English and its history. The evolution of a language. Boston, 1968, p. 11.
8. *Ярцева В. Н.* Развитие грамматического строя языка и проблема арханзмов.— В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965.